
УДК 316.346 (470.621)
ББК 60.545.1 (2 Рос. Ады)
М 90

А.-Л.Ю. Муляр,
кандидат социологических наук, научный сотрудник отдела славяно-адыгских культурных связей Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М.Керашева, тел. 89530901140

Культурно-идентификационные процессы этнических меньшинств полиэтнического региона*

(Рецензирована)

Аннотация. В статье исследуются культурно-идентификационные процессы этнических меньшинств Северо-Кавказского региона с позиций постнеклассической парадигмы, рассматриваются тенденции трансформации этнической идентичности меньшинств Республики Адыгея, выявляется уровень их этнической аффилиации. Полученные результаты соотносятся с различными типами социокультурной адаптации меньшинств в полиэтническом обществе.

Ключевые слова: полиэтнический регион, культурно-идентификационные процессы, этническая идентичность, этническое меньшинство, аффилиация, адаптация, постнеклассическая парадигма.

A.-L.YU. Mulyar,
Candidate of Sociology, Assistant Researcher of the Department of Slavic-Adyghe Cultural Contact, the Adyghe Republican Institute of Humanitarian Researches named after T.M.Kerashev, ph. 89530901140.

Cultural-identification processes of ethnic minorities in the multiethnic region

Abstract. The paper discusses the cultural-identification processes of ethnic minorities in the region of the North Caucasus in terms of a postnonclassical paradigm, tendencies in transformation of ethnic identity of minorities in the Adygheya Republic and the level of ethnic affiliation. The obtained results correspond to various types of sociocultural adaptation of minorities in the multiethnic society.

Keywords: multiethnic region, cultural-identification processes, ethnic identity, ethnic minority, affiliation, adaptation, a postnonclassical paradigm.

Феномен возрождения этничности в конце XX в. стал тем вызовом истории, адекватный ответ на который исследователи не смогли дать с позиций классической парадигмы. Согласно линейной идее прогресса, составляющей основу социодинамических представлений некоторых социологов и политологов, интеграция и создание надэтнических образований интерпретируются как явления прогрессивные. Исходя из логики данных суждений, процессы

усиления этнического фактора и рост этничности, диаметрально противоположные интеграционным, следует рассматривать как регрессивные, а глобализационные процессы, казалось бы, должны ослабить этноидентификационные тенденции, что на практике не соответствует действительности. Одна из характерных примет российского общества в 90-е годы XX- начале XXI вв. — кардинальные изменения в этносфере, которые выразились, в первую очередь,

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект №11-06-00098 –а

в актуализации и наполнении новым содержанием этнических потребностей. К таким потребностям следует отнести: потребность в этнической принадлежности; потребность в позитивной этнической идентичности; потребность в этнической безопасности; потребность в социальном благополучии; потребность в эмоциональном благополучии; потребность в признанном другими и высоком этническом статусе, самореализации и т.д. В сложившихся реалиях требуется принципиально иная концептуализация феномена этничности вообще, постсоветской этничности в частности. Достаточно привлекательным и эффективным представляется обращение к методам неклассической и постнеклассической науки.

Так отечественный исследователь М.М. Соколов интерпретирует актуализацию идентификационных практик как следствие кризиса идентичности, спровоцированного общественным кризисом, и попыток поиска выхода из него [1]. Взяв этот тезис за отправную точку, Л.Д. Бевзенко в методологических рассуждениях идет дальше и рассматривает этничность в рамках синергетического видения как «основание для возникновения общинно-подобных самоорганизационных структур, которые наряду с различными иного рода самоорганизационными структурами (религиозными, клановыми, криминальными, клубными, общественными и т. д.) возникают в моменты социальных кризисов и становятся основанием для индивидуальных идентификационных выборов» [2].

Представляется, что данное положение может быть подкреплено конкретным эмпирическим примером. Изучая особенности формирования этнической идентичности у этнических меньшинств полиэтничного социума, которым является Республика Адыгея, мы пришли к выводу, что в ней этнические меньшинства видят возможность самосохранения и саморазвития; через этническую идентичность происходит формирование их ценностно-ориентационного единства. Кроме того, степень потребности в этнической принадлежности детерминирована адап-

тационным сценарием, избираемым в условиях иноэтничного окружения и более актуальна, когда меньшинство сталкивается с проблемами и трудностями в процессе адаптации, и она начинает развиваться по типу сепарации, то есть имеются некоторые кризисные проявления.

В отношении феномена этнической идентичности не достигнуто полного взаимопонимания среди представителей различных научных школ и направлений как за рубежом, так и в России. Наиболее распространены три объяснительные концепции этничности в современном обществе — примордиализм, конструктивизм и инструментализм. Поскольку каждая из них акцентирует внимание на разных аспектах этого феномена, представляется целесообразным в практическом плане руководствоваться полипарадигмальным подходом, рационально объединяющим основные положения трех направлений. Нам близко определение этнической идентичности как способности человека ответить на вопрос «кто я?» по отношению к той или иной этнической общности [3]. Являясь видом социальной идентичности, «этническая идентичность представляет собой систему, состоящую из взаимосвязанных компонентов. Это язык, идея, идеалы, ценности, историческая судьба и т.д.» [4].

В сентябре–октябре 2007 г. нами проводилось социологическое исследование «Социокультурные процессы этнических меньшинств в условиях полиэтничного общества (на примере Республики Адыгея)». Было выбрано 8 этнических групп: азербайджанцы, армяне, греки, евреи, курды, татары, украинцы и чеченцы. Для социологического исследования отбирались этнические группы с различной комбинацией признаков и свойств (численность, длительность проживания, тип расселения, положение исторической родины, наличие общественных организаций).

Поскольку решающее значение в данном исследовании имело качественное представительство этих групп, то репрезентативная совокупность формировалась на основе целевой выборки.

В каждой из групп было опрошено 30 человек. Таким образом, общее число респондентов — 240 человек. Бралось во внимание следующие показатели: пол, возраст, образование и тип населенного пункта. Непосредственно в ходе опроса отбор респондентов осуществлялся по методу «снежного кома». «Стартовыми» персонами становились руководители и участники этнических общественных организаций, которые затем рекомендовали своих родственников и знакомых, а те, в свою очередь, своих. Кроме того, опрос проводился и в местах компактного проживания представителей этнических меньшинств.

Для изучения доминирующих тенденций трансформации этнической идентичности меньшинств Республики Адыгея была использована разра-

ботанная Г.У. Солдатовой методика «типы этнической идентичности» [5]. Респондентам предлагался бланк, содержащий 30 вопросов-индикаторов, позволяющих выявить степень выраженности шести типов идентичности: этнонигилизма, этнической индифферентности, нормы (позитивной этнической идентичности), этноэгоизма, этноизоляционизма, национального фанатизма. Оценка выраженности того или иного типа идентичности производилась на основе средних баллов, выведенных при подсчетах общего количества всех положительных ответов опрашиваемых («согласен» и «скорее согласен») на вопросы соответствующих блоков анкеты. Полученные результаты графически представлены в виде диаграммы (рис. 1).

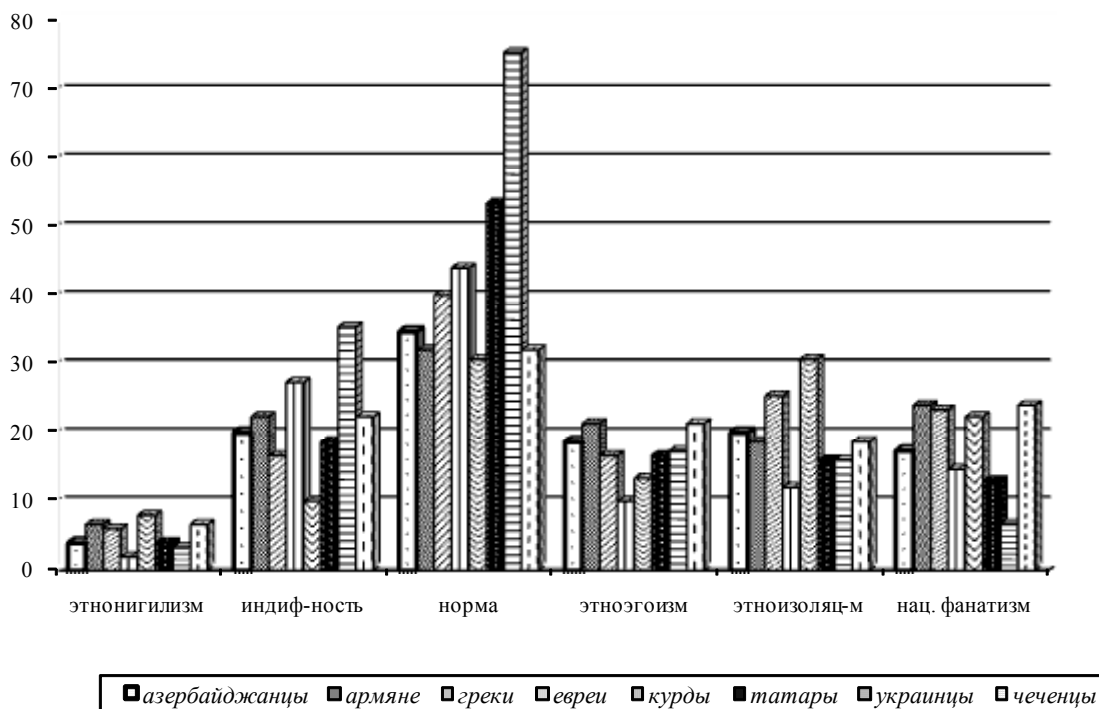

Рис. 1. Тенденции трансформации этнической идентичности у этнических меньшинств Республики Адыгея (в%)

Прежде чем приступить к анализу полученных материалов, дадим краткую характеристику каждому из шести исследуемых типов идентичности. Наиболее желательной является идентичность по типу «нормы». Ее можно назвать разумным компромиссом между позитивным отношением к своей этнической группе и толерантностью

к нормам и ценностям других этнических групп. Остальные типы представляют собой диаметрально противоположные позиции от «отрицания» идентичности со своей этнической группой (этнонигилизм) и безразличия к ней (индифферентность) до выраженного в разной степени этноцентризма (этноэгоизм, этноизоляционизм, национальный фанатизм).

Отклонение этнической идентичности к первому полюсу носит название гипоидентичность, а ко второму — гиперидентичность.

Согласно материалам исследования, у представителей этнических меньшинств, безусловно, лидирует позитивная этническая идентичность. Ее индикаторами служили положительные ответы респондентов на вопросы о готовности вступать в дружеские и деловые контакты с людьми иной этнической принадлежности, а также суждения, свидетельствующие о позитивном отношении не только к собственной, но и к другим этническим группам. Показатели этого типа идентичности колеблются в диапазоне от 32 до 77,3 баллов. При общем доминировании этнической идентичности, сформированной по типу «нормы», наиболее ярко он представлен в группе украинцев. Предпочтение именно позитивной этнической идентичности говорит о высокой значимости для респондентов собственного этнокультурного окружения и одновременно открытости в межэтнических контактах, довольно высокой степени толерантности и готовности к диалогу. Позитивная этническая идентичность, в целом характеризующая все меньшинства, служит одной из предпосылок интеграционных процессов в межэтническом взаимодействии.

На этом позитивном фоне векторы изменения идентичности в разных группах опрошенных оказываются направленными к разным полюсам этнической шкалы. Так, у украинцев и евреев заметнее тенденция к формированию гипоидентичных установок. В целом у всех исследуемых этнических групп показатели индифферентности превосходят показатели этнонигилизма.

У курдов и чеченцев вектор этнической идентичности направлен в сторону гиперидентичных установок. Этноизоляционизм явно выражен у курдского этнического меньшинства. Этот тип идентичности проявляется в стремлении оградить свою культуру от влияния других культур и свидетельствует о «закрытости» этнической

группы. Однако не следует рассматривать данный факт как исключительно негативное явление. Этноизоляционизм может рассматриваться и как защитная реакция меньшинства на воздействие иноэтнического окружения и как спутник первых этапов адаптационных процессов. В дальнейшем влияние этой тенденции может быть снижено. Показатели этноизоляционных установок в обследуемых меньшинствах колеблются в пределах 12 — 30,7% от общего числа опрошенных.

Что касается азербайджанцев, армян и татар, их гипо- и гиперидентичные установки имеют амбивалентный характер и выражены практически одинаково.

Необходимо отметить, что попытки изучения идентичности у этнических групп республики предпринимались и ранее. Результаты специального социологического исследования по этнической идентичности представлены в работе Е.С. Куквы «Этническая идентичность в Республике Адыгея» [6]. Принимая во внимание различия в методиках исследований и формировании выборочной совокупности, тем не менее представляется обоснованным сравнительный анализ результатов исследования Е.С. Куквы с данными, полученными в ходе нашего исследования. Согласно ранее проведенному исследованию, трансформация этнического самосознания по типу индифферентности наблюдалась у русского населения республики, в то время как представители адыгейской группы респондентов тяготели к проявлению гиперидентичных тенденций. Представители этнических меньшинств опрашивались недифференцированно. Они были наиболее настроены на межнациональное общение и толерантны.

Таким образом, анализ полученных материалов позволяет сделать определенные выводы в отношении изменения этнической идентичности меньшинств Республики Адыгея. Преобладающим ее типом остается позитивная этническая идентичность. Она способствует развитию диалогических отношений между этносами, живущи-

ми в республике. Для азербайджанцев, татар и армян свойственно проявление гипо- и гиперидентичных тенденций в равной мере, евреи и украинцы тяготеют к индифферентности, а чеченцы и курды к этноизоляционизму, что может являться следствием незавершенности их адаптационных процессов.

Попадая в иноэтничную среду, находясь за пределами исторической родины, этнические меньшинства не только стремятся сохранить самобытность, но и интегрироваться в окружающий социум. Поскольку формирование этнической идентичности сочетается со стремлением адаптироваться к иноэтничному пространству, то в социальной идентичности их представителей одновременно существует две установки — этноаффилиативная и интегративная.

Понятие «аффилиация» (англ. *affiliation* — соединение, связь), равно как и сам феномен аффилиации, получило детальное рассмотрение в психологической науке в рамках анализа мотивационной регуляции деятельности человека. В большинстве научных подходов данное понятие соотносится с потребностью. Оно было введено в научный оборот американским психологом Г. Мюрреем в 1938 г. и понималось им следующим образом: «Заводить дружбу и испытывать привязанность. Радоваться другим людям и жить вместе с ними. Сотрудничать и общаться с ними. Любить. Присоединяться к группам» [7]. Его соотечественник А. Маслоу включил аффилиативные потребности в одну из пяти групп основных человеческих потребностей. В созданной им иерархической модели мотивации потребности в привязанностях, любви и причастности к группе занимают третье место по значимости после физиологических потребностей и потребностей в безопасности [8]. Немецкий психолог Х. Хекхаузен считает аффилиацию «классом социальных взаимодействий» и рассматривает данный феномен в аксиологическом аспекте. Руководствуясь моделью «ожидаемой ценности», Хекхаузен утверждает, что при рассмотрении цели аффилиации как «принятия, желаемости себя,

дружеской поддержки и симпатии» она выступает «положительной ценностью» [9].

Будучи предметом междисциплинарного анализа, феномен аффилиации нашел интерпретацию и в социологической мысли. В одном из социологических подходов его рассмотрение связано с методологическими основаниями теории этничности. Понимание этнической аффилиации в контексте этой теории опирается на представление о ней как об одном из компонентов в структуре этничности наряду с потребностью в позитивной этнической идентичности и потребностью в этнической безопасности. Г.У. Солдатова определяет этническую аффилиацию как потребность в принадлежности к этнической группе [10]. Однако некоторые социологи склонны относить чувство аффилиации к «пограничным психологическим образованиям между потребностями и эмоциями» [11].

Для исследования этноаффилиативных тенденций применялась предложенная Г.У. Солдатовой методическая разработка «Этническая аффилиация» [12]. Бланк методики включал 18 вопросов-индикаторов, 9 из которых отражали высокую, а 9 — низкую потребность в этнической принадлежности. Анализ ответов респондентов на вопросы-индикаторы позволил оценить этноаффилиативные и антиэтноаффилиативные тенденции в обследуемых группах этнических меньшинств.

Согласно данным социологического исследования, потребность в этнической принадлежности в той или иной мере актуальна для всех этнических меньшинств, принявших в нем участие. Выраженность аффилиативных тенденций зависит от характера адаптационного процесса и толерантности большинства к конкретному меньшинству. Если сравнить средние баллы аффилиативных и антиаффилиативных тенденций в каждой этнической группе и расположить их по степени выраженности аффилиативных тенденций в порядке убывания, то получим некоторую условную шкалу, на одном полюсе которой будет находиться этническая

группа, столкнувшаяся с наибольшими трудностями в процессе адаптации и испытавшая отрицательный опыт в межэтническом взаимодействии. А на другом полюсе окажется этническая

группа, которая обладает наибольшим адаптационным потенциалом и не испытывает затруднений в межэтнических контактах с большинством (рис. 2).

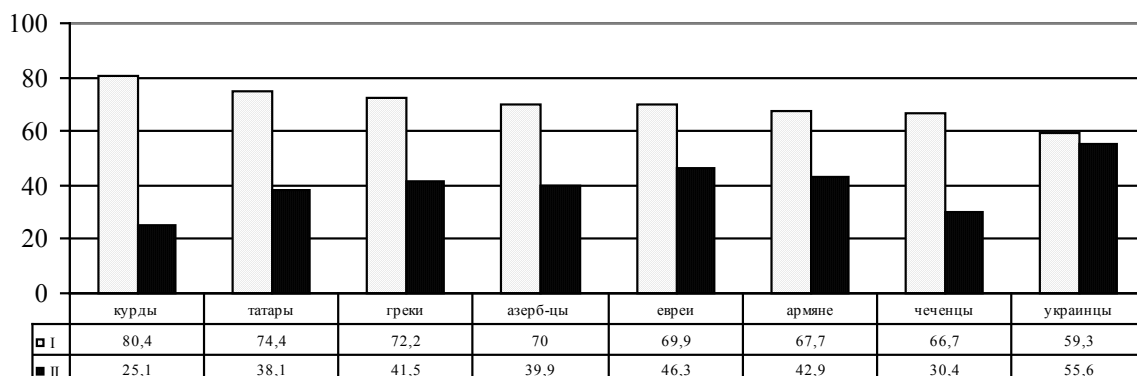

Рис. 2. Аффилиативные и антиаффилиативные тенденции этнических меньшинств Республики Адыгея (в %)

I — средний балл выраженности этноаффилиативных тенденций среди обследуемых этнических меньшинств (в%); II — средний балл выраженности антиэтноаффилиативных тенденций среди обследуемых этнических меньшинств

У респондентов-курдов была зафиксирована наиболее высокая потребность в групповой этнической принадлежности. Между тем адаптационные и интеграционные процессы у курдского этнического меньшинства, проживающего в Республике Адыгея, действительно, характеризуются определенным комплексом проблем. Они «...не принимают местных обычаев и традиций, а пытаются перестроить местную среду обитания в соответствии со своим укладом жизни, внедрить свои поведенческие стереотипы», — так пишет Е. Космачева в статье «Зона отчуждения» о курдах Красногвардейского района [13]. Об этом говорят и данные исследования. Удивительно, но факт: 100% опрошенных респондентов этой этнической группы считают, что «надо поддерживать обычаи, традиции и образ жизни своего народа». Курды, стихийно прибывшие в республику в начале-середине 90-х гг., предпочитают компактный тип расселения. Поскольку их миграция имела стихийный характер, в среде курдов почти нет «старожилов», которые в большинстве случаев оказывают положительное влияние на адаптационные процессы вновь прибывших. В этих условиях актуализи-

руется в первую очередь этническая идентичность: 96,7% опрошенных курдов считают, что человеку необходимо ощущать себя частью своего народа.

Удачный пример сочетания групповой солидарности с проявлениями индивидуализма на личностном уровне демонстрирует другая этническая группа — армяне. Соглашаясь с мнением о необходимости поддерживать обычаи, традиции и образ жизни своего народа (96,7%), большинство армян (53,3%) полагает, что в «своих поступках следует руководствоваться скорее личными интересами, чем какими-либо другими, в том числе и национальными».

Анализ данных проведенного исследования выявил интересную закономерность: этноаффилиативные тенденции менее выражены у представителей тех меньшинств, которые обладают этнокультурной близостью с большинством. Так, показатель аффилиативных тенденций у украинцев лишь незначительно превышает показатель антиаффилиативных тенденций (в соотношении 59,3% к 55,6%). Украинцы, как и русские, принадлежат к славянскому типу культуры, длительное время проживают «бок о бок» друг с другом, обладают внешним и языковым сходством — это

все делает их адаптационные процессы к иноэтнической среде безболезненными. Поскольку межэтнические браки для них не редкость, то вполне предсказуемо, что 83,3% опрошенных украинцев согласились с утверждением: «Взаимопонимание в семье совершенно не зависит от того, к какой национальности принадлежат члены этой семьи». Невысокий средний балл этноаффилиативных тенденций (66,7%) был зафиксирован и у чеченцев, которые в культурном, историческом и религиозном плане близки с адыгейцами. Однако на ряд вопросов, являющихся индикаторами этих тенденций, напротив, был получен высокий процент утвердительных ответов. Например, с тем, что «народам, исповедующим одну и ту же религию, легче понять друг друга», согласились 80% респондентов; 93,3% разделяют мнение, что «человек всегда должен помнить о своей национальности». Но были вопросы, которые вызвали у них затруднение: 53,6% опрошенных ответили «не знаю» на вопрос «За национальностью человека всегда можно увидеть его народ?». Возможно, он показался им провокационным из-за сложившихся в общественном сознании стереотипов, связанных с этнонимом «чеченец».

Таким образом, в полиэтническом социуме адаптационные процессы меньшинств, длительное время проживающих в иноэтническом окружении, расселенных дисперсно, близких к большинству в культурном плане и потому не испытывающих явно выраженной потребности в принадлежности к своей этнической группе, принимают ассимиляционный характер (евреи, украинцы). Культурная интеграция свойственна этносам со средним уровнем аффилиативных тенденций, живущим компактно или дисперсно и сохраняющим связь с исторической родиной (азербайджанцы, армяне, греки, татары). Адаптация по типу сепарации протекает у новых меньшинств, избирающих компактный способ расселения. У их представителей фиксируются гиперидентичные установки и высокий уровень этнической аффилиации (курды, чеченцы).

Подводя итог, важно отметить, что осмысление социокультурных процессов этнических меньшинств в Республике Адыгея в рамках неклассической науки дает новые научные знания о функционировании сложной системы «наше этническое общество» через призму культурно-идентификационных процессов, происходящих в нем.

Примечания:

1. Соколов М.М. К теории постсоветской этничности // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. №3. С. 158-164.
2. Бевзенко Л.Д. Социальная самоорганизация. Синергетическая парадигма: возможности социальных интерпретаций. Киев: Ин-т социологии НАН Украины, 2002. С. 110-111.
3. Шадже А.Ю. Северокавказское общество: теория и методология исследования // Вестник Адыгейского государственного университета. 2007. №1. С. 17.
4. Там же.
5. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. С. 189-193.
6. Куква Е.С. Этническая идентичность в Республике Адыгея (социологический анализ): дис. ... канд. социол. наук. Майкоп, 2004.
7. Цит. по: Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность: в 2 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1986. С. 289.
8. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб., 2001. С. 90.
9. Хекхаузен Х. Указ. соч. С. 330.
10. Солдатова Г.У. Указ. соч. С. 28-29.
11. Этносоциология: цели, методы, некоторые результаты исследования / Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижина, В.С. Кондратьев, А.А. Сусоколов. М.: Аспект-пресс, 1999. С. 168.
12. Солдатова Г.У. Указ. соч. С. 193-194.
13. Космачева Е. Зона отчуждения // Советская Адыгея. 2004. 21 января. С. 2-3.

References:

1. Sokolov M.M. On the theory of post-Soviet ethnicity // The Journal of Sociology and Social anthropology. 1999. №3. P. 158-164.
2. Bevzenko L.D. Social self-organization. A synergy paradigm: possibilities of social interpretations. Kiev: The Sociology institute of the Ukraine NAN, 2002. P. 110-111.
3. Shadzhe A.Yu. The North Caucasian society: theory and methodology of research // Bulletin of the Adyghe State University. 2007. №1. P. 17.
4. Ibidem.
5. Soldatova G.U. Psychology of interethnic tension. M.: Smysl, 1998. P. 189-193.
6. Kukva E.S. Ethnic identity in the Republic of Adygheya (sociological analysis): Dissertation for the Candidate of Sociology degree. Maikop, 2004.
7. Quoted on: Heckhausen H. Motivation and activity: in 2 vol. V. 1. M.: Pedagogy, 1986. P. 289.
8. Maslow A. Motivation and personality. SPb., 2001. P. 90.
9. Heckhausen H. Mentioned work. P. 330.
10. Soldatova G.U. Mentioned work. P. 28-29.
11. Ethnosociology: aims, methods, some results of research / Yu.V. Arutyunyan, L.M. Drobizheva, B.C. Kondratjev, A.A. Susokolov. M.: Aspect-press, 1999. P. 168.
12. Soldatova G.U. Mentioned work. P. 193-194.
13. Kosmachyova E. The zone of alienation // Sovetskaya Adygheya. 2004. January, 21st. P. 2-3.